РАБОЧИЙ
Батумский рабочий
г. Батуми
20 марта 1955 года.

То, чего не видит зритель

Вечер. Моросит неутомимый весенний батумский дождь. К под'езду театра то и дело под'езжают машины. Зрители спешат занять свои места. Сегодня идет пьеса Пармена Лария «Динара».

Ровно в 8 часов в оркестре вспыхивает сигнальная лампочка. В зале гаснет свет. Нелли Хасановна Кадагидзе поднимает дирижерскую палочку. еще мгновение, и в зал полилась увертюра. Спектакль начался.

Это — не рецензия о спектакле. Мы хотим рассказать о том, чего не видит зритель.

В самом деле, хорошо зная своих любимых актеров, режиссера, художника, композитора, наконец, автора пьесы, зритель от души награждает их аплодисментами за талантливую работу. Но зритель никогда не видит скромных, самоотверженных тружеников театра, без которых не может быть создано любимое народом, праздничное театральное зрелище.

...За два, а то и за три часа до начала спектакля, в зависимости от сложности постановки, за кулисами появляется машинист сцены — Нестор Григорьевич Васадзе. Вместе с рабочими он должен установить декорации на вращающемся круге сцены. Работа идет быстро, почти без слов. Вот вырастает пригорок с родником, а позади него — комната председателя сельсовета.

Как будто ничего сложного. Рабочие принесли декорации, установили их — и вся недолга. Но это далеко не так. Профессия машиниста сцены — одна из самых сложных и трудных на театре. Чтобы быть машинистом сцены, надо обладать отличной памятью, смекалкой, вкусом, а главное — безграничной, самоотверженной любовью к театру.

Тридцать семь лет тому назад—18-летним юношей — простым рабочим сцены пришел Нестор Григорьевич в Батумский театр, и только спустя двадцать лет он заслужил право именоваться машинистом сцены.

Основа профессии Васадзе — память. Ведь в каждом селоне идет пятнадцать, а то и больше спектаклей, и Нестор Григорьевич должен знать каждую рейку, должен знать, куда и как быстро и бережно установить ту или иную деталь. Устанавливать декорации надо прочно и удобно для актеров. Машинист сцены должен обладать «чутким» глазом, то есть оборудовать сцену так, чтобы зрители не видели проделок — пустых мест, не заполненных декорациями. Машинист сцены должен знать, на каких веревках висит тот или иной задник, та или иная палуга. А веревок этих — больше двухсот, и он должен в темноте безошибочно находить нужную, чтобы спустить необходимую сейчас декорацию.

Заслуженный деятель искусств режиссер театра Георгий Константинович Мравалдзе говорит о Васадзе с большой сердечной теплотой:

— Пятнадцать лет проработали мы вместе на сцене Батумского театра. Без машиниста сцены режиссер творить не может. Когда назначается просмотр эскизов художника к предстоящему спектаклю, обязательно приглашается и машинист сцены. Взглянув на эскиз, он тут же ощупит его конструкцию, укажет, где и что необходимо изменить, чтобы не затягивать антракты, чтобы удобно было играть актерам.

Вслед за Васадзе в театр приходит заведующая реквизиторским цехом Александра Ивановна Флемм. Она отдала Батумскому театру 17 лет кропотливого труда. Войдя в ее «царство вещей», невольно останавливаешься, пораженный смешением стилей и эпох. Вот в углу — груда холодного оружия: русские шашки, турецкие ятаганы, французские шпаги. Рядом — ружья — от кремневого до современного автомата. Вот возле микроскопа — простая деревянная ступка. Под античной вазой — груда бумажных денежных знаков. Ковры, занавеси, картины — чего только здесь нет!

На снимке: парикмахер-гример А. КАРДАШЬЯН гримирует актера.

Александра Ивановна кропотливо подбирает все вещи, «играющие» сегодня в спектакле. Представьте себе, что по ходу действия актер должен вручить своему партнеру сто рублей. Актер лезет в карман за деньгами, а там их нет. Александра Ивановна забыла снабдить ими актера...

Но этого не бывает! Хоть через пятнадцать лет, возобновляя спектакль, Александра Ивановна воссоздает ту обстановку, которая была при первой постановке пьесы.

В это же время на четвертом этаже зрительная гардеробной — Мария Михайловна Белайкина внимательно осматривает нужные для спектакля костюмы, головные уборы и обувь. Все ли цело? Нет ли в них изъянов? На попечении Марии Михайловны — несколько тысяч костюмов. После проверки одевальщица Харазова разносит костюмы по уборным актеров. К этому времени они уже на местах. Ведь до начала спектакля остается всего час.

Актеры переодеваются, гримируются, а если нужен парик, усы или борода идут к театральному парикмахеру Арменаку Иосифовичу Кардашьяну.

Пока еще в гримерной никого нет. Армянак Иосифович с увлечением рассказывает о своей работе. Он — потомственный театральный парикмахер, изучивший у своего отца, работавшего в Тбилисском театре им. К. Марджанишвили со дня его основания, все тонкости парикмахерского дела. Вот он отбрасывает в сторону газету и любовно снимает с гвоздика парик.

— Посмотрите на мою работу, — говорит он, — похож ли этот парик на эскиз? Я вчера утром сел за него и так увлекся, что только к вечеру очнулся, когда работа была закончена!

Что значит сделать парик? Снимя по размеру колпак из тюля и натянув его на болванку, Арменак Иосифович крошетом — тончайшей иглой с крохотным крючком на конце—в каждую дырочку тюля вставляет и закрепляет по три—четыре волоска. Какое надо иметь зрение, терпение, любовь к делу, чтобы начать эту работу утром и очнуться от вдохновенного труда вечером с готовым париком в руках!

Вот в гримерную входит заслуженный артист Аджарской АССР Гордес Имнайшвили. В пьесе «Динара» он играет роль старика Джемала. Парикмахер усаживает актера перед зеркалом, наклеивает усы, брови, бороду, надевает парик.. С кресла поднимается древний старец, о котором ни за что не узнать знакомого актера.

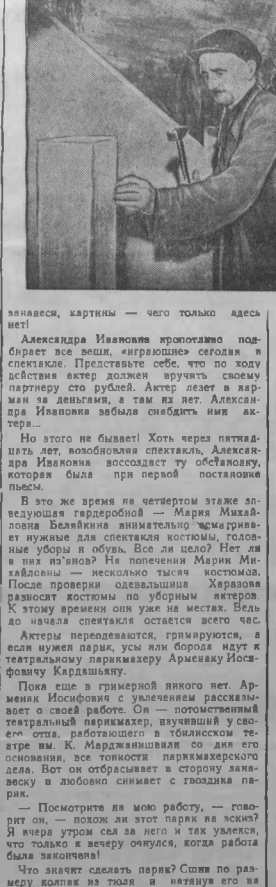
...Когда поднимается занавес, зритель видит задник — вид на Батуми из Махинджаури. Размер этого задника 8×12 метров. Представьте себе работу художника, который, расстелив на полу это огромное полотнище бязи и шагая по нему, набрасывает кистью то розовые, то фиолетовые, то золотистые краски. Набрасывает так, чтобы издали все это создавало впечатление приморского города в перспективе.

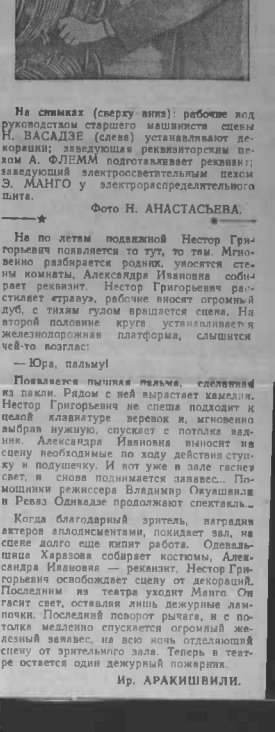
Художник, рисуя картину, отходит от нее, издали контролирует свою работу. А как это сделать художнику-исполнителю Ольге Алексеевне Лешкевич? В руках у нее уменьшающая двояковогнутая линза. Глядя в нее, уменьшая нарисованное, она контролирует свою трудную работу, представляет в своем воображении, как все это будет выглядеть издали, при зеленовато-красном освещении.

Свет на театре — это один из ответственнейших участков, от которого во многом зависит успех всего спектакля. Представьте себе, как была бы сера и убога обстановка на сцене, если бы она освещалась одним только белым светом. Правильно осветить сцену, создать соответствующие световые эффекты — такова задача Эммануила Николаевича Манго — заведующего электроосветительным цехом.

Когда вы видите на сцене снегопад, или плывущие по серому небу тяжелые темные тучи, или любуетесь веселыми переливами речных волн, — знайте: аппаратуру для этих световых «чудес» сделал своими руками Манго.

...Пока мы совершали экскурсию за кулисы, окончилось второе действие. Зрители прогуливаются по фойе, обмениваются впечатлениями, а в это время за кулисами кипит напряженная, точная, как часовой механизм, работа.





На снимках (сверху вниз): рабочие под руководством старшего машиниста сцены К. ВАСАДЗЕ (слева) устанавливают декорации; заведующая реквизиторским цехом А. ФЛЕММ подготавливает реквизит; заведующий электроосветительным цехом Э. МАНГО у электрораспределительного щита.

Фото Н. АНАСТАСЬЕВА.

Не по летам подвижной Нестор Григорьевич появляется то тут, то там. Мгновенно разбирается родник, уносятся стены комнаты, Александра Ивановна собирает реквизит. Нестор Григорьевич расстилает «траву», рабочие вносят огромный дуб, с тихим гулом вращается сцена. На второй половине круга устанавливается железнодорожная платформа, слышится чей-то возглас:

— Юра, пальму!

Появляется пышная пальма, сделанная из пакли. Рядом с ней вырастает камелия. Нестор Григорьевич не спеша подходит к целой клавиатуре веревок и, мгновенно выбрав нужную, спускает с потолка задник. Александра Ивановна выносит на сцену необходимые по ходу действия ступку и подушечку. И вот уже в зале гаснет свет, и снова поднимается занавес... Помощники режиссера Владимир Окуашвили и Реваз Одикадзе продолжают спектакль..

Когда благодарный зритель, наградив актеров аплодисментами, покидает зал, на сцене долго еще кипит работа. Одевальщица Харазова собирает костюмы, Александра Ивановна — реквизит. Нестор Григорьевич освобождает сцену от декораций. Последним из театра уходит Манго. Он гасит свет, оставляя лишь дежурные лампочки. Последний поворот рычага, и с потолка медленно спускается огромный железный занавес, на всю ночь отделяющий сцену от зрительного зала. Теперь в театре остается один дежурный пожарник.

Ир. АРАКИШВИЛИ.